
Марк Мацкевич
Мёртвая кафедра
18+

Марк Мацкевич

Мёртвая кафедра

«Автор»
2026

Мацкевич М.

Мёртвая кафедра / М. Мацкевич — «Автор», 2026

Меня увольняли посреди урока. Запрещённого, разумеется!Шесть лет назад на моей кафедре погибла наставница, и с тех пор учить гасить боевые заклинания нельзя. Я всё равно учу тайком шестерых взрослых, которые боятся собственного огня. Новый ректор привёз приказ: двадцать один день, и кафедру закрыть, а опасные тетради уничтожить.Он не кричит и не грозит. Сам таскает щитовые стойки и слушает мои объяснения. Очень неудобный человек для того, кого увольняют.Только в первый же вечер в старом классе вспыхнул светильник, который никто не зажигал. Под академией до сих пор горит заклинание, которое больше некому остановить. Кроме меня. Если мне позволят.Однотомник, можно читать отдельно.

© Мацкевич М., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Огонь без хозяина 6
Глава 2. Неучебный день 12
Глава 3. После погасшего огня 17
Глава 4. Первым буду я 22
Глава 5. Погнутая стойка 27
Глава 6. Окно без лампы 32
Глава 7. Снаружи 38
Конец ознакомительного фрагмента. 39

Марк Мацкевич
Мёртвая кафедра

Мёртвая кафедра
Марк Мацкевич

Глава 1. Огонь без хозяина

Когда меня пришли увольнять, я учила шестерых взрослых людей тушить свечу.

Свеча стояла в глубокой миске на преподавательском столе. Воска в ней не было: только фитиль, огонь и чужое упрямство.

— Одо, — сказала я, — перестаньте ей помогать.

— Я не помогаю.

Пламя дотянулось до его подбородка.

— Тогда у вас исключительно тёплые отношения.

На задней парте фыркнули. Одо повернул голову, и я накрыла его руку своей, раньше чем огонь успел повторить движение.

— На меня смотрите.

Он послушался. Ему было двадцать шесть, он успел три года прослужить в речной страже, но сейчас смотрел так, как смотрят дети, которым очень хочется сказать, что чашка разбилась сама.

За его спиной Лика отодвинула свою миску подальше от края. Её огонь давно погас, и теперь она скучала с превосходством человека, у которого беда сегодня случилась с кем-то другим.

— Одо, кто держит заклинание?

— Я.

— Кто должен его отпустить?

— Я понимаю, магистра.

Он не понимал. Вернее, понимал всё и от этого держал ещё крепче. Под моей ладонью у него подрагивал большой палец. Я ослабила нажим.

— В прошлый раз вы обожгли напарника, — сказала я негромко. — Сейчас его здесь нет. Перед вами миска. Толстая, глиняная. Я её специально выбрала некрасивую.

Одо посмотрел вниз. На боку миски расползлась коричневая роза, которую я при покупке приняла за пятно.

Он выдохнул. Огонь опал, оставив над фитилём тонкую красную нить.

В дверь постучали.

Лика вскочила так резко, что стул ударил о стену. Двое у окна начали прятать учебные листы. Это было бессмысленно: в разрешённом хранилище не полагалось иметь ни учеников, ни парт, ни шести мисок с обожжёнными краями. Всё же я успела подумать, что хотя бы листы они берегут.

— Сидите, — сказала я. — Одо, руку не убирайте. Войдите.

Мужчина на пороге пригнул голову под низкой притолокой. На нём был мокрый с дороги сюртук, без ректорской цепи; в пальцах он держал сложенный лист. Волосы у висков потемнели от дождя. Сначала он посмотрел на наши руки, потом на миску.

Не на листы. Это я заметила сразу.

— Здесь магистра Рист?

— Если вы по поводу вакансий, их нет.

— Дамиан Эрт. Новый ректор.

Я знала его имя. Оно стояло под уведомлением, которое я утром сунула под шатающуюся ножку стола. Теперь было неудобно по двум причинам.

— Я пришёл поговорить о закрытии кафедры, — сказал он.

За последней партой кто-то тихо втянул воздух. На лице Одо я увидела знакомое старание: сделать как велено, закончить побыстрее, не навлечь беду ещё и на меня. Он сжал пальцы.

Красная нить натянулась.

— Поговорим, — сказала я. — Через минуту. Одо, разогните ладонь.

Ректор положил лист на свободную парту. Печать в углу была настоящая, красная, почти такая же, как огонь над фитилём. До зимних испытаний оставалась двадцать одна ночь. У него было достаточно времени, чтобы лишить меня последней работы Вераны. У меня пока не получалось освободить руку одного человека.

— Что он делает? — спросил Эрт.

— Пытается закончить заклинание.

— А если отвести его от стола?

— Оно пойдёт следом.

Ректор снял перчатку. Я приготовилась возражать, но он не потянулся к Одо: опустился рядом на корточки и заглянул под стол. Там, между ножками, стоял запасной приёмник — плоский железный таз с песком.

— Этот?

Я кивнула. Он осторожно выдвинул таз ногой. На сюртуке у колена осталось меловое пятно; Эрт его не заметил.

Одо следил за ним с таким отчаянием, будто самого ректора уже назначили его новым напарником.

— Я могу поставить щит, — сказал Эрт мне. — Снаружи. В работу не вмешаюсь.

— До края миски ладонь. Ближе нельзя.

В воздухе возникло слабое искривление. Я увидела его по коричневой розе: половина цветка стала чуть шире другой.

Ни хлопка, ни света под потолком. Даже Лика перестала коситься на дверь.

— Вы хорошо это делаете, — сказала я прежде, чем успела вспомнить, зачем он пришёл.

— Рад, что для должности достаточно.

Одо коротко, нервно рассмеялся.

Нить дрогнула.

— Вот сейчас, — сказала я. — Не ловите.

Он разжал пальцы. Огонь вытянулся к песку, осыпался несколькими искрами и исчез. Одо ещё держал руку над столом, но под моей ладонью больше ничего не дёргалось.

Мы подождали. За стеклом шуршал дождь. У меня ныла шея: я слишком долго простояла согнувшись и вспомнила об этом только сейчас.

— Удалось? — спросил Одо.

— Через десять вдохов узнаем.

Эрт не убирал щит. Стоя рядом, я чувствовала, сколько места занимает его плечо между мной и проходом. От мокрого сукна пахло холодом. Когда он поднял голову, я почему-то увидела прежде всего ресницы: на одной держалась дождевая капля.

Приходилось признать, что увольнять меня прислали очень некстати.

Песок остался тёмным. Фитиль лежал на боку, без красного огонька.

Я отпустила Одо.

— Теперь удалось.

Он улыбнулся. Осторожно, с ещё раскрытой ладонью, как будто боялся спугнуть собственный успех. Ради таких минут я шесть лет открывала эту дверь.

Ректор встал и посмотрел на остальных.

— Занятие окончено. Мне нужно поговорить с магистрой.

Стулья заскрипели. Лика подхватила с подоконника мою шаль, положила мне на плечи и только после этого потянулась за своими листами. Я не попросила её остаться. Ни один из них не должен был стоять рядом, когда я буду объяснять, почему в хранилище проходят уроки.

Эрт проводил последнего слушателя взглядом. Дверь закрылась, и стало слышно, как в водостоке за окном булькает вода.

— Вам запрещено преподавать, — сказал он.

— Да.

Он ждал продолжения. Я поправила шаль.

— Вы собираетесь объяснить мне, почему запрет можно нарушать?

— Нет. Хочу объяснить, что вы собираетесь закрыть.

Он посмотрел на парты, обожжённые миски, на мой стол. Под его ножкой белел угол утреннего уведомления. Я заметила, что ректор увидел и его.

— Сколько человек знают об этих занятиях?

У стены что-то сухо щёлкнуло.

Мы обернулись одновременно.

В старом медном светильнике над пустой доской вспыхнул огонь. Медленно, с трудом, будто кто-то пытался раздуть угли. Тонкая красная нить протянулась от него по шву кладки.

Я шагнула к стене и остановилась. Шов уходил дальше, за светильник, под полку с картами. Дальше, чем вчера.

— Это ваше? — спросил Эрт.

Я покачала головой.

— И не Одо. Его я проверила.

Ректор не спорил. Снял вторую перчатку, положил рядом с приказом.

— Кто создал это заклинание?

Красная нить добралась до нижнего края доски. Я знала длину этой трещины наизусть. Раньше она никогда не светилась целиком.

— Моя наставница.

— Где она?

— Умерла шесть лет назад.

Эрт поднял на меня глаза.

— Верана Соль?

Я кивнула. Её имя, произнесённое незнакомым мужским голосом, прозвучало почти буднично. В этом классе мы говорили «Верана», когда вспоминали какую-нибудь её привычку, и «она», когда вспоминать не хотелось.

— Я читал дело, — сказал он. — В отчёте указано, что образцы изолированы.

— Изолированы.

— Стена светится.

— Поэтому я прошу к ней не подходить.

Он уже стоял вполоборота, выбирая место для щита. Я оттащила в проход ближайшую парту. Ножка попала в щель между половицами, и от резкого скрипа у меня свело зубы; с тех пор, как красная полоска показалась над доской, любой звук казался слишком громким.

— Где граница? — спросил Эрт.

— От этой стойки до угла. Дальше стена холодная. Внизу не прижимайте к камню.

— Почему?

— Я однажды попробовала. Огонь добрался до полки.

Он задержал руку в воздухе. Мне стало жарко под шалью.

— Люди были в комнате?

— Нет.

— Вы были.

Ответить было нечего. Я сняла с подоконника две опорные стойки, поставила по краям тёплого участка и отступила. Эрт проверил их подошвы, провёл пальцами над одной, потом над другой. Между медью и стеной воздух чуть помутнел. Красная нить осталась видна за прозрачной защитой; просто добраться до неё теперь было нельзя.

Он подошёл к краю и обогнул щит, не касаясь.

— До утра простоит. Потом нужно проверить опоры. За стеной что?

— Хранилище.

Ректор посмотрел на дверь в конце класса. На её нижней филёнке сохранились белые царапины: много лет назад мы двигали туда шкаф и никак не могли поднять его порог. Верана стояла с той стороны и говорила, что для кафедры завершения у нас очень неудачное начало.

— Там кто-нибудь есть?

— Там никого нет. Шкафы, образцы, тетради. Дальше лестница в нижнюю галерею. Решётка заперта, старые щиты целы. В галерею я не спускаюсь.

— А стену проверяете?

Из-за щита было неудобно показывать, и я опустилась на колени перед его краем. На плинтусе тянулись мои короткие меловые штрихи. Первый почти стёрся при мытье полов. Последний, вчерашний, белел возле ножки шкафа.

— Здесь было тепло неделю назад. Здесь позавчера. Вчера дошло досюда. Свет появлялся только в верхней трещине, ненадолго.

Эрт присел рядом. Коленом я чувствовала холодный пол; справа, совсем близко, было его мокрое сукно, и собственная шаль вдруг стала мешать рукам.

— Кому вы сообщили?

Я назвала число и дату письма прежнему ректору. Письмо лежало в журнале вместе с ответом. Мне рекомендовали продолжать наблюдение и не вскрывать защиту до прибытия нового руководителя.

— Покажете?

— Утром принесу всё.

— И записи о ваших попытках.

На этом месте легче было бы обидеться. Я могла рассказать ему, сколько лет ждала человека, который вообще захочет посмотреть на стену. Могла напомнить, что письмо отправлено, ответ получен, а объяснять приходится мне.

Между нами на полу лежал кусок мела. Я подобрала его, и пальцы сразу стали белыми.

— И записи о попытках, — повторила я.

Эрт поднялся первым. Не помог мне встать, пока я сама не протянула руку; затем подал ладонь и удержал её неподвижно, позволяя опереться. От моей руки на его коже остался мел. Мы оба заметили пятно и ничего о нём не сказали.

— До осмотра никто не входит в хранилище один, — сказал он. — Завтра встретимся здесь утром. Мне нужно поговорить с деканом и понять порядок доступа.

— Люди придут за вещами.

— За вещами. Не на урок.

— Я услышала.

Он оглянулся на дверь, за которой они исчезли.

— Это ваши студенты?

— Выпускники. Всем больше двадцати. Некоторые старше меня.

— Они знают о запрете?

— Да.

— И о стене?

В классе остро пахло мокрой шерстью. Только теперь я поняла, что от меня тоже: шаль напиталась сыростью ещё днём, когда я бегала через двор за песком.

— Они знают, что здесь хранят старые чары, — сказала я. — Близко к этой стене я их не подпускала.

Защита едва заметно дрогнула. За ней медный светильник потускнел, красная нить стала короче.

Ректор не стал смотреть на меня с победным видом. Присев, проверил нижнюю опору, затем отодвинул парту ещё на полшага.

— Пока вы держите человека за руку, он может не успеть заметить, что изменилось в другом конце комнаты.

Я посмотрела на миску с коричневой розой. Одо оставил возле неё свой лоскут для мела, аккуратно сложенный вчетверо. Я всё ещё видела, как он улыбался, боясь спугнуть собственный успех.

— Сегодня заметили вы, — ответила я.

— Сегодня заметили оба. Я говорю о завтрашнем дне.

Признать это оказалось тяжелее, чем показать письмо с датой. Стену я знала. Привыкла понимать её по теплу в пальцах, по запаху меди, по тому, как быстро высыхала влажная тряпка на плинтусе. А ещё привыкла, что в классе всё держится на моём внимании, и почему-то считала это достаточным.

Эрт поднял лист с парты и вытащил из-под стола второе уведомление. Стол покачнулся. Пришлось ловить миску обеими руками.

Ректор нашёл у окна деревянный клин, подбил под ножку и вернул мне помятый лист.

— Оставьте. Второй экземпляр.

— Первый был устойчивее.

Он всё-таки улыбнулся — совсем немного. Линия у рта исчезла раньше, чем я успела решить, радует меня эта улыбка или раздражает.

— Двадцать один день, магистра Рист. Мне велено закрыть кафедру безопасно. Я не стану выносить шкафы через действующее заклинание. Но и продолжать уроки вы не будете.

Слова «закрыть кафедру» вернули столу, стене и шести пустым партам их прежний вес. До этого мы хотя бы делали одно дело. Теперь у него под мышкой снова был приказ, а у меня оставался смятый лист.

— Если я покажу, для чего нужны эти уроки?

— Сначала покажите, что здесь можно находиться.

У двери он задержался, натягивая перчатку поверх мелового пятна.

— Вы где живёте?

— Наверху.

Его взгляд поднялся к потолку.

— Над этим классом?

— Над лестницей. До тёплой стены от моей спальни дальше, чем от вашей руки сейчас.

— Я спросил про выход. Он отдельный?

Мне понадобился вдох, чтобы ответить.

— Бытовая лестница к наружной двери. Хранилище проходить не надо.

Эрт кивнул и пожелал доброй ночи. По тому, как он произнёс это обычное пожелание, было ясно: другого способа закончить наш разговор он пока не нашёл.

Наверху всё оказалось как утром. На подоконнике стоял горшок с лимоном, два листа пожелтели со стороны стекла. Книга лежала открытой на кровати. Капитан в ней уже три вечера стоял перед запертой дверью, за которой, судя по картинке, находились сокровище и женщина с кинжалом. Я завидовала ясности его положения.

В комнате было темно. Я не стала зажигать магический огонёк: вытряхнула спичку, поднесла к лампе и долго грела пальцы о стекло. Внизу ректор ушёл через двор; из окна было видно, как он придержал створку перехода, пропуская вперёд кого-то с охапкой белья. Потом дверь закрылась, и за мокрыми ветками остался только свет главного корпуса.

Шесть чашек в шкафу стояли ручками наружу. Обычно после позднего урока кто-нибудь поднимался пить чай. Лика считала, что моя заварка полезна для стойкости духа, потому что всё остальное она давно растворила.

Сегодня чай пить было не с кем.

Я сняла с полки журнал. Переплёт прогнулся под ладонью; из него высунулась та самая записка Вераны, где она просила купить для кафедры ещё чашек. За шесть лет бумага пожелтела только у сгиба.

На последних страницах шли мои измерения. Между датами оставались бытовые заметки: заказать мел, занести Одо листы, пересадить лимон. Возле одного неудачного опыта было написано так сердито, что перо прорвало бумагу. Я расправила этот угол и оставила страницу на месте.

Журнал лёг на стол рядом с ключом от хранилища.

Внизу стояли чужие щиты. Наверху я всё ещё могла сесть на кровать, укрыть ноги и прочитать, что случилось с капитаном. Вместо этого повернула лампу к окну, прислушалась к тишине корпуса и закрыла книгу.

Ключ утром я впервые за шесть лет собиралась повернуть при свидетеле.

Глава 2. Неучебный день

Одо пришёл за лоскутом для мела и принёс хлеб.

Это было слишком торжественное подношение за кусок старой простыни. Ещё тёплый каравай лежал у него на ладонях, завёрнутый в чистое полотенце; над коркой поднимался пар. Я отодвинула журнал, освободила стол и спросила, завтракал ли он сам.

— Нет. Думал, мы вместе.

Пока закипал чайник, Одо стоял у окна. В нижнем дворе собирали воду с брезента, натянутого над дровами. Сквозь мокрые ветки было видно, как человек в длинном пальто поднимает тяжёлый край, а второй никак не решается сунуть под струю ведро.

— Мне теперь забыть, что вчера получилось? — спросил Одо.

— Вы можете не стараться. Стоит взять мел, и вам покажется, что ничего не получается.

Он обернулся с обидой. Пришлось добавить:

— Это бывает. Первый успех никуда не денется.

На тарелку посыпались хлебные крошки. Одо отломил горбушку и сел, оставив ладони раскрытыми на коленях. Я помнила эти руки над миской и не стала говорить ему, чтобы ел аккуратнее.

— А занятие?

— Пока отменено.

Лика, появившаяся в дверях, услышала только последнее. Она остановилась с одной ногой на пороге.

— Именно занятие?

— Входите. Отмена распространяется и на человека снаружи.

У неё под мышкой была папка. За ночь Лика успела пришить на неё вторую завязку: первая, слишком короткая, всё время выскальзывала из узла. Мы обсуждали это уже неделю, и я невольно улыбнулась. Потом она села и изложила свой план.

Надо было сказать ректору, что они помогают мне в хранилище. Каждый получит свою полку. А если по дороге я объясню что-нибудь полезное, вряд ли помощь от этого превратится в урок.

— Мы же можем считать вещи, — закончила она.

Одо смотрел в тарелку. У двери послышался тихий стук, вошла Селин; мокрая прядь прилипла к её виску, папку она держала под правой рукой. Всё утро ко мне поднимались люди, которые могли бы сегодня поспать.

— Намерены считать? — спросила я Лику.

— Конечно.

— Вот хлеб. Восемь ломтей. Раздайте так, чтобы всем досталось.

Она опустила взгляд на тарелку, поняла, что я делаю, и покраснела. Я пожалела об этом сразу: легче было бы ответить без маленького преподавательского превосходства.

— Простите, — сказала я. — Никаких помощников. Ректор прав в одном: я не могу следить за всем, пока держу кого-то за руку. Вчера стена изменилась во время занятия.

Лика перестала трогать новую завязку.

— Вы нам не сказали.

— Вы уже вышли. Сегодня говорю.

Селин поставила папку на стол. Обложка разошлась, и из неё выехал угол карты. Она прижала его предплечьем, помогая левой ладонью, которая плохо сгибалась после ранения. Я потянулась застегнуть ремешок, но Селин чуть отодвинула папку.

— Не надо за меня. Посмотрите, можно ли переделать застёжку. Чтобы я сама открывала.

Мы разложили ремешок на столе. Крючок был крошечный, жестяной, и даже моими здоровыми пальцами попасть в петлю удалось со второго раза.

— Большую пуговицу, — предложила я. — И петлю подлиннее. Тимон даст кожу.

— Вы покажете ему, где?

— Покажу. Застёжки нам менять разрешено.

Селин усмехнулась и взяла хлеб. Лика молча отрезала для неё мякиш с тонкой коркой.

Из коридора донеслись мужские голоса. Двое остальных заглянули только забрать свои листы; ещё один предупредил через Одо, что зайдёт после полудня. Проводить собрание со всеми шестью я не собиралась. Передавала каждому одно и то же, и с каждым разом слова давались проще: уроков пока нет, к хранилищу без меня не подходить, о следующем занятии я ничего не обещаю.

Когда пришёл Дамиан, чайник уже остыл. Он задержался на площадке, увидев у меня людей. Лика, которая ещё вчера бросилась бы объяснять, сразу взяла папку.

— За вещами, — сказала она.

— Доброе утро, — ответил ректор.

Пришлось всем ещё раз поздороваться. Одо завернул оставшийся хлеб, положил на подоконник и только потом ушёл. У порога он чуть повернул голову к Дамиану.

— Спасибо за щит.

— Вы хорошо выдержали паузу, — сказал тот.

Одо расправил плечи. За час я рассказала ему больше полезного, но с моей стороны требовалась ещё одна простая фраза, и её сказал другой человек.

Внизу пахло остывшей печью. Временная защита стояла там, где ректор оставил её вчера; красный шов за ней побледнел, у медной чаши светильника держалась единственная искра. Дамиан проверил стойки и поправил правую, ушедшую в щель между досками.

До хранилища мы дошли по освобождённому проходу. Ключ привычно задел край замочной скважины. С той стороны стояли шкафы, и я вдруг увидела их чужими глазами: выцветшие ярлычки, стеклянные колпаки, тяжёлые дверцы, отполированные моими руками.

Ректор остановился на пороге, как мы условились. Я не стала шагать внутрь.

— Нужно убрать ящик у решётки, — сказал он.

— Там пустые футляры.

— Он загораживает путь.

Мы смотрели в один и тот же проход. Я видела, что ни у одного колпака не изменился цвет. Он видел, где мне будет трудно развернуться с тяжёлым предметом.

Закрыв дверь, я забрала со стола журнал.

— Вы его сейчас возьмёте?

— Лучше прочтём вместе. Инесса Браун ждёт нас к десяти.

В главном корпусе было тепло до духоты. После старой лестницы ковровая дорожка казалась слишком мягкой; каблуки почти не стучали, и я шла осторожнее обычного. Журнал прижимался к рёбрам жёстким краем.

Кабинет ректора я помнила другим. Исчезла ширма перед окном, со стола убрали высокую вазу, за которой прежний ректор мог целиком скрыть собеседника. На подоконнике лежали свёрнутые чертежи. Возле них остывала недопитая чашка.

Инесса Браун сидела боком к двери, так, чтобы видеть нас обоих. Седые волосы были гладко уложены; у манжеты темнела маленькая капля чая. Я уцепилась за неё взглядом и немного успокоилась.

— Магистра Рист, — сказала она. — Садитесь. Вы присылали доклад о нагреве стены?

Я открыла журнал на письме. Поставила рядом стул, положила туда шаль и услышала, как пряжка у горловины стукнула о дерево.

— Элва, — добавила Инесса мягче, — я видела вчерашние следы. Теперь хочу понять, почему у этой стены сидели люди.

Край бумаги под большим пальцем стал влажным.

— Я считала, что могу удержать всё под наблюдением.

— Шестерых?

— Да.

Она не дала мне спрятаться за словом «взрослые». Эти люди сами пришли, сами знали о запрете, но комнату для них открывала я.

Дамиан подвинул лампу, чтобы свет падал на журнал. Расправил письмо, прочёл ответ прежнего ректора и вернул оба листа между страницами.

— Наблюдение хранителя предусмотрено, — сказал он. — Самостоятельное обучение запрещено советом. Я могу назначить осмотр. Разрешить вам снова преподавать одним распоряжением я не могу.

— Я не прошу одним распоряжением.

Инесса подняла брови. Вчера попросила бы. Возможно, и сейчас попросила бы, если бы Лика не сидела утром над хлебом, пряча от меня покрасневшее лицо.

— Сначала посмотрите записи, — сказала я.

Дамиан задержался над страницей с арсенальными образцами, придерживая пальцем одну из коротких записей.

— Здесь: «света нет». Почему вы вернулись к образцу?

На обороте стояло моё примечание: жар сохранился в подставке, пришлось разбирать повторно. Дамиан нашёл его и вопросительно посмотрел на меня.

— Вот это, — сказала я. — Вы можете не увидеть огня. При этом вещь останется горячей.

— Горячая вещь не обязательно хранит заклинание.

— Согласна. Поэтому надо смотреть, когда она перестанет нагревать всё рядом.

Инесса подалась к журналу. Я вспомнила, как шесть лет назад она стояла во дворе с чьей-то окровавленной курткой и ждала, куда её положить. Куртку тогда ни у кого не хватало сил принять. Сейчас рукав Инессы задевал чистый лист, который она приготовила для записей.

— И кто у вас умеет это проверять? — спросила она.

— Я.

От своего ответа мне стало тесно в воротнике.

Инесса ждала. Пришлось продолжить:

— Поэтому я хотела учить других.

— Вы начали с людей, которые сами боятся колдовать.

— Они пришли первыми.

Глупый ответ, и всё-таки другого у меня не было. Они пришли, когда никто не хотел даже заглянуть в дверь. С испорченными перчатками, застрявшим упражнением, руками, которые никак не удавалось удержать спокойно. Я могла помогать им по одному. Постепенно в классе оказалось шесть парт.

Дамиан закрыл журнал на пальце.

— Я буду вторым при осмотре. Если вы сможете показать разницу на малом образце, направим совету запрос об исследовании. С условиями, с правом остановить работу. Без слушателей в хранилище.

— Вы ещё не знаете, что придётся делать.

— Поэтому и прошу показать.

Его рука лежала на потёртом корешке. На манжете больше не было вчерашнего мела. Он успел переодеться, поговорить с Инессой, прийти к моим опорам; я же всё утро готовилась к разговору так, будто должна была выиграть его одной удачной фразой.

— Если во время осмотра я попрошу отступить, вы отступите? — спросила я.

— Если вы начнёте уставать, вы скажете?

Инесса выдвинула передо мной лист.

— Запишите это оба. Я хочу знать, что вы поняли друг друга одинаково.

Бумага оказалась тонкой, чернила просвечивали на оборот. Я написала своё имя под словами, которые не давали мне права учить, но оставляли право открыть собственный шкаф. Перо поскрипывало. Рядом Дамиан чуть отодвинул чашку, освобождая мне место для локтя.

Перед уходом Инесса спросила о моих комнатах. Я показала их на плане старого корпуса. Она проверила лестницу и сказала, что при росте тёплого участка к перекрытию придётся ночевать в гостевом крыле.

— Мне есть куда уехать, — ответила я слишком быстро.

Декан подняла голову.

— Это хорошо. Но я говорю о том, где вы будете спать до окончания осмотра.

В кабинете наступила неловкая тишина. Я стянула шаль со спинки стула, едва не задев чашку.

Журнал остался у Дамиана до вечера. Самая сердитая запись, которую я боялась ему показывать, никак не изменила его лица. Он заложил нужную страницу полоской бумаги и спросил, где взять чистый песок.

Внизу у кладовой я попросила у смотрителя Тимона два ящика и стойки для защитного стола. Тимон выслушал, почесал подбородок и стал выяснять, на какой именно срок. Пришлось признать, что не знаю.

Он выдал всё равно. Потом выслушал рассказ о застёжке Селин и вынул из ящика большую пуговицу.

— Если ещё вырастет, будет дверная ручка, — заметила я.

— Зато найдёт, — сказал Тимон.

Ему было шестьдесят семь, и спорить с ним о размерах вещей я перестала раньше, чем научилась хранить старые чары.

Песок пах речной водой, хотя лежал сухой. Я зачерпнула горсть, растёрла между пальцами, проверяя, нет ли мелкого угля. Рядом на пороге тихо звякнула медь. Дамиан держал две стойки, ящик придерживал коленом.

— Вам нельзя было просто попросить кого-нибудь? — спросила я.

— Можно. Вы будете держать дверь или я?

Я взяла свою половину ящика. Он подождал, пока пальцы найдут выемку под дном, и поднял только после моего кивка.

До старого корпуса мы шли через крытый переход. Во дворе сушили вчерашний брезент, под его краем ещё собиралась вода; хотелось спросить, нашлось ли утром подходящее ведро. Вместо этого я сказала:

— У вас ящик косит влево.

— Ваш край выше.

— Там ступенька.

— Вижу.

На ступеньке пришлось всё-таки остановиться. У меня заныли пальцы, и я переставила руку, стараясь не прижать его большой палец к борту. Дамиан держал вес, пока я устраивалась. На его щеке была тонкая светлая полоска: он задел её пыльным рукавом. Я уже открыла рот, чтобы сказать об этом, но передумала. Полоска мне нравилась.

В хранилище мы больше ничего не трогали. Вдвоём вынесли пустые футляры от решётки, затем вернулись в класс. Оказалось, я всё это время ставила на ящик с футлярами корзину для белья: он был как раз удобной высоты.

Теперь корзина стояла в коридоре. Место для неё нашлось сразу.

Защищённый стол мы поставили так, чтобы проход к двери оставался свободным. Дамиан предложил придвинуть его к окну; я возразила из-за сквозняка, он подержал ладонь у рамы и переставил стойку на мою сторону. Меньше всего это напоминало обещание спасти кафедру. Мы двигали тяжёлые вещи, уставали и постепенно переставали говорить друг другу очевидное.

Когда стало темнеть, Дамиан вернул журнал. Из него торчала полоска бумаги.

— Этот образец ещё у вас?

На отмеченной странице было простое огневое упражнение из городского арсенала. Слабый остаток, небольшая подставка, повторное наблюдение наутро.

— Да. Под отдельным колпаком. В первом шкафу.

— Начнём с него. Покажете, когда я могу убрать защиту.

Я провела пальцем под своей старой записью. Тогда я оставила образец до утра, потому что мне не понравилось тепло у основания. В объяснении причины стояли три слова: «не так держится».

Дамиан их уже прочёл. Теперь мне придётся найти другие.

У стены пахло горячей пылью. В медном светильнике света почти не осталось, но тонкий лист, прикреплённый к плинтусу для проверки нагрева, просох выше вчерашней границы. Я присела на свободном краю щита. Провела ладонью над нижней опорой, не заводя пальцы за защиту.

Дамиан остановился рядом.

— Не сдвигайте, — сказала я.

— Вижу.

Опора стояла ровно. За ней, в полосе пола под стеной, я различила слабое марево; на холодных досках у моих коленей его не было. Ректор опустил ладонь рядом с моей и долго держал, проверяя границу.

— Щит цел, — сказал он.

Я нашла мел. Вчерашняя отметка осталась на плинтусе.

Новую черту пришлось поставить уже на полу.

Глава 3. После погасшего огня

На осмотр ректор принёс чистую тетрадь.

У меня уже лежали на столе журнал, перечень образцов и вчерашний лист с нашими подписями. Я могла объяснить назначение каждой бумаги. Его тетрадь была небольшой, в зелёной обложке, с карандашом за тесёмкой, и от этого выглядела подозрительно личной.

— Конспектировать будете? — спросила я.

— Надеюсь, успею.

В старом корпусе стояла утренняя прохлада. Печь ещё не растопили; на оконном стекле снаружи держались капли, в каждой отражался кусочек серого двора. У тёплой стены всё оставалось в пределах вчерашней отметки. Дамиан проверил опоры, я сверила записи. Прежде чем идти в хранилище, мы убрали с прохода корзину, которую я снова чуть не поставила на привычное место.

Дамиан потянул дверь, пропуская меня вперёд. Сквозняк шевельнул ярлык на ближайшем шкафу. На нём было написано рукой Вераны: «Малые огневые». Буква «е» у неё неизменно выглядела недовольной.

Я знала здесь каждую защёлку. У левого шкафа надо было приподнять дверцу за ручку, иначе она цепляла нижнюю полку. На верхней подставке стеклянный колпак чуть наклонялся из-за узла в дереве. За годы всё это стало так же естественно, как ступенька возле моей спальни; теперь я старалась смотреть, куда ставит ногу другой человек.

За решёткой в дальнем конце помещения начиналась лестница. Нижние ступени уходили в сероватую темноту. Я туда не светила. Дамиан задержался возле замка и проверил наружный край старой защиты, не просовывая руку между прутьями.

— Дальше не идём, — сказала я.

— Помню.

Он повернулся ко мне. Подтверждения, что щиты целы, ему пока хватало ровно для того, чтобы оставить их на месте.

На нижней полке стояли три арсенальных образца с одинаковыми медными спиралями внутри. Я показала номера в перечне. Два образца были завершены раньше; третий, под стеклом с медным ободком, ещё хранил слабый остаток огневого упражнения.

Дамиан сверил номера с записью. Завершённые спирали потемнели от времени. Третья выглядела точно так же.

— Что я должен увидеть? — спросил он.

— Сейчас ничего.

— Хорошее начало для осмотра.

Я сдержала улыбку. В пустой комнате она казалась уместнее, чем вчера в кабинете.

При переноске он держал подставку за предусмотренные для этого края. Медный ободок оставался на месте. Я шла рядом и смотрела на его большой палец: тот всё время норовил лечь поверх бортика, но Дамиан каждый раз сам возвращал его назад. Ему было неудобно. Он ни разу не попросил снять защиту ради удобства.

В классе образец занял середину приготовленного стола. Два завершённых мы поставили поодаль. Разница между ними ещё никак не проявилась, и мне вдруг стало жаль, что я не выбрала что-нибудь с красивым остаточным свечением. С таким легче было бы доказать необходимость моей работы.

Дамиан раскрыл тетрадь.

— До того как поднимем колпак. Что заставит нас прекратить?

— Огонь по ободку. Если станет трудно удерживать выход к песку. По моей просьбе вы вернёте стекло.

— Как я узнаю про выход?

Я провела рукой над прохладным песком. Пальцам всё было так понятно, что я уже приготовилась повторить вопрос другими словами.

— Видите, здесь…

Дамиан ждал. Я убрала руку.

— Вы пока ничего не видите.

— Да.

На странице его тетради осталось пустое место для ответа.

Я вспомнила Селин с её ремешком. Взять и открыть за неё было легко. Дольше всего занимало понять, что именно ей мешает.

На столе нашёлся кусок обычной свечи. Я срезала три тонкие восковые стружки и положила по одной на свободные края всех трёх подставок.

— Пока колпак закрыт, смотрите на это. Если воск размягчится, подставка нагревается, хотя огня вы не видите. При отводе тепло должно уйти к песку. Если оно начнёт расходиться по столу — скажете мне. Щит сжимать не надо.

— Этого достаточно, чтобы определить конец?

— Нет. После отвода подставка должна остыть и больше не нагреваться. А я проверю сам ход чар. Это ещё не способ для человека, который впервые видит образец.

Ему могло не понравиться, что часть проверки снова остаётся за мной. Дамиан перевёл взгляд с моей руки на песок и наконец сделал запись.

— Тогда сегодня я отвечаю за внешний щит и за то, что могу наблюдать. И не притворяюсь, будто научился вашему делу за четверть часа.

В груди у меня стало немного свободнее. Я тоже взяла карандаш. Написала рядом с номером образца, куда именно положен воск, чтобы завтра не пришлось восстанавливать по памяти.

За окном закричали на дворе. Кто-то догонял оторвавшуюся от верёвки простыню; она хлопала по мокрой липе, а её хозяин ругался всё громче. На мгновение мне захотелось открыть окно и подсказать, что надо зайти с другой стороны. Дамиан проследил за моим взглядом.

— Справятся, — сказал он.

— Она сейчас порвётся.

Он посмотрел внимательнее.

— Тогда уже не справятся.

Я рассмеялась первой. Смех оказался коротким, неожиданным; после него было легче выпрямить спину. Мы ещё ничего не доказали, но рядом сидел человек, которому не требовалось быть правым в каждом маленьком разговоре.

Воск на чистых подставках не менялся. Третья стружка опустила край к дереву и прилипла. Дамиан отодвинул лампу, проверяя, не она ли греет стол. Мы подождали ещё; в прохладном классе подставка оставалась тёплой.

Он записал время и спросил:

— Вы готовы?

Теперь я могла сказать «да», не торопясь.

Перед работой мы поели. Это предложил Дамиан, когда я в третий раз переставила приёмник и посмотрела на дверь: ждать больше не хотелось, зато стоило наклониться, и пустой желудок неприятно тянуло к спине.

В трапезную мы не пошли. Я принесла сверху хлеб Одо, Дамиан раздобыл сыр и чайник, и какое-то время самым опасным предметом на нашем столе был тупой нож. Им пришлось пилить корку; крошки сыпались на лист с измерениями, я стряхивала их в ладонь.

— У вас всегда так тихо? — спросил он.

— Сегодня необыкновенно. Обычно Лика объясняет мне, как вести занятие.

— Вчера уже начала объяснять мне.

Я подняла глаза.

— Когда?

— Догнала в переходе. Предлагала записать всех в помощники.

— Мне она предлагала утром.

— Значит, вы оказались строже.

Дамиан разрезал свой кусок ещё надвое и положил половину на чистый край моей тарелки. Не спросил, почему я живу здесь одна, не принялся утешать из-за запрета. Несколько минут я могла просто есть тёплый хлеб с сыром и слушать, как за окном по подоконнику пробегает последняя дождевая капля.

Потом он убрал посуду со стола. Я закатала рукава, проверила приёмник. Запасной таз стоял внизу у моего левого колена, колпак при необходимости можно было вернуть на место, не пересекая путь огня.

Дамиан встал с противоположного края. Между стойками слегка исказилось стекло окна — внешний щит охватил стол.

— Держу, — сказал он.

Я приподняла колпак за верхнюю ручку. Внутри пахнуло горячей медью. Над спиралью дрогнула прозрачная складка, такая маленькая, что в обычной комнате её легко было бы не заметить. Потом один виток засветился тусклым красным.

Колпак опустился на пустую подставку справа. Руки остались над столом.

Дамиан не сводил глаз с воска. Я видела его сквозь дрожащий воздух: лицо чуть вытянулось, светлая прядь у виска стала тоньше. Защита меняла очертания вещей, и пришлось напомнить себе, что расстояние до него осталось прежним.

Первые движения я делала привычно. Нашла край, за которым огонь ещё откликался на прикосновение дара, подвела к нему приёмник. Песок под дощечкой слегка потемнел. Тепло дошло до запястья и остановилось, упрямое, сдавленное; образец оказался живее, чем выглядел под стеклом.

— Сейчас медленнее, — сказала я себе вслух.

Дамиан не шевельнулся. Хорошо. Плохой помощник на этом месте уже начал бы решать, что я недостаточно сильна, и прижал бы заклинание сверху.

Из спирали вытянулась красная нить. Она легла над песком полукругом, не касаясь поверхности. Под правой рукой у меня стало сухо и жарко; под левой сохранялось слабое сопротивление.

— Что вы сейчас чувствуете? — спросил Дамиан.

— Часть идёт. Часть держится за виток. Не давайте ей растечься по краю.

Он остался неподвижен, только воздух у правой стойки стал чуть плотнее. Воск возле основания образца размягчился, но дальше по столу жар не пошёл.

Нить опустилась ниже. От песка пахло нагретым речным дном, таким, каким оно бывает на мели после жаркого дня. В коридоре хлопнула дверь; я вздрогнула, и тонкий полукруг качнулся к моему рукаву.

— Стою, — сказал Дамиан прежде, чем я успела попросить.

Его голос удержал меня от резкого движения. Я медленно отвела локоть, оставляя рукав снаружи, и подождала. Над песком осыпались две искры. Остаток в спирали стал слабее.

Так мы простояли долго. У меня затекла шея, в коленях появилась тяжесть. Хотелось закончить одним усилием, освободить руки и показать ему, как легко всё на самом деле. Хорошо, что он смотрел: от этой мысли я отступилась раньше, чем успела попробовать.

— Устаю, — сказала я. — Но ещё держу. Если попрошу, колпак будет нужен справа.

Он перевёл взгляд на ручку, потом обратно к образцу.

— Вижу.

Следующая порция силы вышла почти без сопротивления. Я не стала ловить её у края и дала уйти в приготовленный песок. Красное свечение в спирали потускнело, затем погасло. Над приёмником ещё стояло марево.

Дамиан продолжал держать щит. Не спросил, удалось ли. Подождал, пока я сама уберу руки.

Пальцы казались слишком лёгкими. Я растёрла их о ладони, потом сразу остановилась: в таком состоянии хотелось считать ощущение пустоты окончательным результатом.

— Теперь ждём, — сказала я.

Он выдохнул. На виске у него блестела испарина; пока я следила за огнём, совсем не заметила, что его работа тоже чего-то стоит.

Внешнюю защиту удалось закрепить на стойках. Дамиан проверил её и опустил руки. Мы сели на одну лавку у двери, достаточно далеко от стола, чтобы не нагревать его собственным дыханием. Мне хотелось пить. Чашку я подняла обеими руками, хотя она была почти пустая.

— У вас тоже свело пальцы? — спросил он.

— Нет. Пока не очень хорошо чувствую вес.

Он подвинул к моим ногам табурет. Сначала я хотела сказать, что не нуждаюсь в заботе, потом поставила на него ступни. От пола больше не тянуло холодом в колени.

Через открытый коридор было слышно, как Тимон чинит застёжку Селин. У него не хватало терпения молча возиться с кожей, и он негромко сообщал ей всё, что думал о прежнем мастере. Селин отвечала редко. Один раз засмеялась — низко, неожиданно для моего слуха. На уроках я такого смеха от неё не слышала.

Воск постепенно застыл. Подставка остывала, песок дольше сохранял жар. Мы записали это и оставили образец под наблюдением до вечера.

Мне пришлось наконец подняться к себе за чистой бумагой. На лестнице я встретила Селин. Она открыла папку одной рукой, показала новую пуговицу и снова закрыла. На лице у неё было выражение человека, который собирался пожаловаться на размер, но по дороге передумал.

— Мы вернёмся? — спросила она.

Теперь я уже не могла пообещать ей это одним тёплым словом.

— Хотим добиться разрешения на проверку. Сначала вас будут спрашивать, к чему вы готовы. Можно будет отказаться.

— Я и раньше могла.

— Да. Только я всё время говорила о том, что у вас получится.

Селин поправила ремешок правой рукой.

— Ну, это тоже иногда говорите.

В комнате на столе ждал недочитанный роман. Я присела на край кровати, открыла его и всё-таки узнала, что было за дверью. Капитана оглушили подсвечником на первой же строке. Женщина с кинжалом оказалась его тёткой.

Несколько минут я смеялась так тихо, чтобы не услышали внизу. Потом положила закладку, взяла бумагу и спустилась к Дамиану.

К вечеру подставка стала такой же прохладной, как два завершённых образца. Остаточного движения я больше не чувствовала. Песок медленно отдавал накопленное тепло; новых горячих участков на столе не появилось.

Мы не переносили этот результат на стену. Там под щитами хранилось то, к чему сегодня даже не прикасались. Нижняя галерея оставалась за решёткой, красный светильник тихо мерцал, а на полу лежала вчерашняя меловая черта.

Дамиан дописывал запрос совету. Я обошла стол, чтобы прочесть: ограниченное исследование, повторное наблюдение, нагрев под целым щитом. Разрешения открыть кафедру мы пока не получили.

— Одного раза недостаточно, — сказал он, заметив, где остановился мой взгляд.

Я придвинула стул и села рядом. Внешняя защита отгораживала погасшую спираль; у края стекла отражались две склонённые головы. Он положил между нами чистый лист.

— Теперь опишите, что делали. Так, чтобы я завтра мог задать вам правильные вопросы.

— Я уже отвечала на них всё утро.

— На мои. Попробуем добраться до остальных.

Пальцы ещё не совсем слушались. Карандаш слегка ходил в руке, и первая линия получилась кривой. Я почти услышала Верану: не мучай бумагу, покажи мне сама. Раньше на этом можно было закончить объяснение.

Рядом Дамиан перевернул свою тетрадь к новой странице и приготовился ждать.

Я нарисовала спираль, пустой приёмник и две руки. Потом зачеркнула одну стрелку. Он не подсказал, куда её повернуть; спросил, что заставило меня передумать.

Когда Дамиан наконец встал, за окном уже зажглись фонари. Запрос лежал у него под тетрадью: его должны были передать секретарю совета, и обещанного ответа у нас ещё не было. Проверить опоры утром он собирался снова. Стекло над малым образцом мы оставили на месте для повторного наблюдения.

— С кем из шестерых мне потом поговорить первым? — спросил он на пороге.

Я почти назвала Лику: ей легче других давались упражнения, с неё было бы удобнее начать.

— Со всеми, — ответила я. — По одному. И после разрешения.

Дамиан согласился. За ним закрылась дверь. На столе остался мой рисунок с кривой стрелкой.

К следующему утру её должен был понять другой человек.

Глава 4. Первым буду я

Нив Рой принёс на разговор дорожную сумку.

Она лежала у его ног на верхней ступени крыльца. Одна пряжка была застёгнута, вторую он придерживал ладонью, словно мы могли заглянуть внутрь и не одобрить, как сложены вещи.

— Вы уезжаете? — спросила я.

— Пока нет.

В свои двадцать четыре он выглядел старше Лики, хотя разница была небольшой. Дело было в одежде: застёгнутый дорожный ворот, хорошие сапоги, всё подготовлено для назначенного места. Лика даже новое платье надевала так, чтобы при необходимости можно было вытереть о подол пальцы.

— Мне обещали распределение, — сказал Нив. — В конце недели. Я хотел спросить…

На площадке за мной открылась дверь. Дамиан вышел из класса и, увидев сумку, остановился. Я знала этот короткий взгляд: он уже успел решить, что мы опоздали с разговором.

— Мы пойдём в сад, — сказала я. — Подождёте немного?

Нив поднял сумку и отнёс к скамье под липой. Оттуда был виден выход со двора.

В классе на столе стояли три холодные подставки. Песок больше не отдавал тепла; за ночь в нём проступили крошечные светлые камешки, которых вчера я не замечала. Мы проверили образец и опоры, вернули колпак. Новая отметка на полу оставалась за границей тёплого участка. Я записала результат коротко, без попытки рассказать весь вчерашний день ещё раз.

Дамиан забрал запрос. Я шла с ним в главный корпус, держа журнал под мышкой, и всю дорогу пыталась вспомнить, сколько Ниву осталось до назначения.

Секретарь совета приняла лист у открытого окна. Рядом лежал другой, с расписанием сегодняшнего заседания. Дамиан попросил внести наше наблюдение; секретарь нашла место между двумя пунктами и приколола запрос к повестке. От булавки в углу появилась маленькая дырка. Больше сделать было нечего.

— Они сегодня ответят? — спросила я уже в переходе.

— Попрошу.

— Но обещать не можете.

— Нет.

Ректор придержал дверь, пропустил меня и вдруг поморщился. Левой рукой потёр шею у воротника.

— Щит? — спросила я.

— Гостевая подушка. У неё, кажется, отдельная присяга — не поддаваться давлению.

Ему пришлось повернуться всем корпусом, чтобы посмотреть на меня. Я успела улыбнуться и сразу представила, как буду завтра подкладывать подушку себе под руку, объясняя совсем другую вещь. От этой мысли стало неожиданно хорошо. Потом за мокрыми ветками снова показалась сумка Нива.

У скамьи он стоял, не решаясь сесть на влажное дерево. Я провела по сиденью ладонью; холодная вода собралась на пальцах.

— Надо было принести что-нибудь сухое, — сказала я.

— Сядем на сумку, — предложил Нив.

Сопротивляться я не стала. Он развернул её поперёк скамьи, сам устроился на краю. Дамиан остался стоять у дерева. Нив поглядывал на него чаще, чем на меня.

— Вы хотели спросить о назначении? — напомнила я.

Он кивнул и потянул свободную пряжку. Металлический язычок выскочил из пальцев.

— Если я здесь не справлюсь, вы напишете туда?

Где-то в саду капало с ветки на жестяное ведро. Звук был такой ровный, что хотелось считать промежутки вместо ответа.

— Куда именно? — спросил Дамиан.

— В северную крепостную школу. Младшим помощником при щитовом классе. Я уже отправил согласие.

— Вы хотите от него отказаться?

— Я не знаю.

Последние слова он произнёс с раздражением — на себя, на нас, на свою сумку. Пришлось напомнить себе, что он пришёл не сдавать мне ещё один экзамен.

— Если захотите пока посмотреть на занятия, можно будет смотреть, — сказала я. — Не обязательно сразу работать.

Нив повернулся ко мне.

— А потом?

— Потом решим, что вам даётся…

Дамиан чуть поднял ладонь. Я остановилась, не успев договорить.

— Это решение о службе, — сказал он. — Его не стоит заменять нашим будущим упражнением.

Меня кольнуло. Совсем недавно я сама начала учиться оставлять человеку право отказаться; он мог бы дать мне закончить фразу.

— Я говорю о том, что он умеет, — ответила я.

— А он спрашивает, что будет, если не сумеет.

Нив опустил взгляд на сумку. Я увидела, что он наконец перестал дёргать пряжку. До этого мы каждый по-своему успокаивали его, а теперь хотя бы добрались до вопроса.

— Для назначения будут важны требования той школы, — продолжил Дамиан. — Я не могу обещать сохранить вам место, если вы решите не ехать. И не стану писать, что вы готовы к тому, чего мы не проверили.

— Значит, всё-таки напишете, — тихо сказал Нив.

Дамиан присел на корточки перед скамьёй. От воротника ему опять стало неудобно; пришлось чуть отвернуть голову.

— Вы попросили заключение для школы?

— Нет.

— Я не собираюсь отправлять туда отчёт о вашем разговоре на скамье. Но если вы сами попросите подтвердить навык, мы будем говорить о том, что действительно видели. Вы понимаете разницу?

Нив ответил не сразу.

— Понимаю.

В моих руках накапала вода с края скамьи. Я вытерла пальцы о платок. Слова, которые хотелось сказать вместо Дамиана, были гораздо приятнее: справимся, успеем, не бойтесь. На каждое из них Нив мог бы опереться. И уехать, не задав себе самого нужного вопроса.

— Завтра можно просто прийти, если совет разрешит, — сказала я. — Остальное пока не обещаю.

Он посмотрел на выход со двора.

— Я сумку пока оставлю у привратника. Чтобы не таскать.

Это было первое его решение за всё утро. Мы не стали хвалить его так, будто он совершил подвиг.

На площадке старого корпуса нас ждали Одо и Рута Мейс. Она прислонилась к косяку с завёрнутым в ткань свёртком под мышкой, и от неё пахло тмином. На рукаве белела мука; Рута пыталась стряхнуть её тыльной стороной ладони, только размазывая шире.

— Я не на урок, — предупредила она.

— Урока нет, — ответила я.

— Тогда заберите это. Форма неудобная, вы же всё время ходите мимо.

В свёртке оказалась моя жестяная форма, в которой я когда-то принесла ей возвращённые листы, чтобы не промокли. Для её печи жестянка была слишком узкой; среди настоящих пекарских противней она только мешалась.

Я понесла форму наверх. Одо пошёл следом, на третьей ступеньке остановился и сказал мне в спину:

— Вы можете обещать, что я больше никого не обожгу?

Я обернулась. На нижней площадке стоял Дамиан, но Одо смотрел только на меня.

— Нет, — сказала я.

Он медленно опустил руку с перил. Жест был таким окончательным, что захотелось удержать её, как над миской в первый вечер.

— Тогда зачем всё это?

Жестяная форма холодила пальцы. Я поставила её на ступень, и металл тихо звякнул.

— Чтобы вы умели замечать, когда пора остановиться. В тот вечер вы остановились. В следующий раз может не получиться с первого раза.

— Я ведь не хотел его обжечь.

— Знаю.

Он смотрел мимо моего плеча на дверь, за которой ему уже приходилось пить чай после самого неудачного занятия. Мы могли бы сейчас войти и долго говорить о намерениях. Я подняла форму, освободила проход.

— Завтра, если разрешат, вы сами выберете, за что возьмётесь. Могу обещать, что не стану торопить.

Одо постоял ещё немного. Потом спросил, не лучше ли ему пока приходить без товарищей.

— А вам как легче?

Он пожал плечом. Ответа у него не было. Я сказала, что можно решить завтра.

Дамиан поднялся следом, когда Одо уже вышел во двор. У меня в комнате он остановился у порога. Смотрел на жестяную форму, на свои руки, потом наконец произнёс:

— Мне стоило дать вам договорить с Роем.

— Вы думали, я опять пообещаю ему всё исправить.

— Да.

Я потянулась за платком, которым утром вытирала пальцы, и оставила его в покое: ткань ещё была мокрой.

— Вы не совсем ошиблись, — сказала я. — Но всё равно дайте в следующий раз договорить.

Дамиан согласился. Никакого красивого примирения не вышло: я ещё сердилась, он это видел. Он спросил, во сколько ждать ответа совета. Я напомнила, что спрашивать об этом должна как раз у него.

На этот раз он улыбнулся шире.

День оказался почти свободным. Это открытие застало меня посреди комнаты, когда уже были вымыты миски и убран стол, а до следующей проверки опор оставалось время. Обычно такую пустоту немедленно заполняло что-нибудь полезное для кафедры.

Лимон на подоконнике поник двумя верхними листьями.

Я взяла горшок обеими руками. Корни вылезли снизу в сливное отверстие и переплелись с щепкой, которую я когда-то подложила, чтобы не высыпалась земля. Сколько месяцев я собиралась пересадить его, было написано в журнале между наблюдениями за огнём.

Тимон дал мне старое ведёрко. В нём раньше держали краску; пришлось долго мыть его во дворе, пока вода не перестала пахнуть маслом. Землю я принесла из садовой кучи, отыскала

черепки для дна и расстелила возле крыльца ненужную карту. На ней до сих пор значилась дорога, которую смыло ещё до моего приезда в академию.

Бертен Лис застал меня над этой дорогой с лимоном в руках.

— Вы его слишком глубоко сажаете, — сказал он вместо приветствия.

— Он ещё у меня в руках.

Бертен прищурился, оценил ведёрко и присел рядом на корточки. На левом колене его брюк была заплата, подогнанная ниткой в цвет, на правом ещё не было, но уже требовалась. Он умел предугадывать чужие ошибки и упорно не замечал своих штанов.

— Земля тяжёлая. Корни задохнутся.

— Тогда возьмите совок и помогите выбрать, что полегче.

Он взял. Много лет Бертен учил на городском полигоне, и даже выбирал землю так, как будто за его спиной стояла группа. Мне стало легче дышать от того, что сейчас я могла не быть этой группой.

— Я навязался? — спросил он через некоторое время.

От неожиданности я просыпала землю на карту.

— Вы спросили? Или уточнили?

Бертен посмотрел на мой испачканный рукав.

— Можно я просто помогу?

Я подвинула к нему ведёрко. Он не стал опять объяснять, как надо.

Дамиан появился, когда корневой ком наконец вышел из старого горшка. До этого я собиралась отделить щепку аккуратно; теперь земля держалась на ней целиком, и стоило пошевелить пальцами, как что-нибудь обязательно обрывалось.

— Есть ответ, — сказал он.

Я подняла голову слишком резко. Один тонкий корешок лопнул, и я ощутила это почти как боль в собственном пальце.

Ректор уже протягивал лист. Взять его было нечем. Бертен придержал растение, я попыталась вытереть руки о чистое место на фартуке и не нашла такого места.

— Читайте, — попросила я.

Дамиан развернул бумагу. Свет падал ему на висок; сегодня под ветками было тепло, и ворот сюртука он оставил расстёгнутым. Я впервые заметила, что в обычной одежде он выглядит моложе, чем у преподавательского стола.

— Начальная проверка шести взрослых добровольцев, — прочёл он. — В классе, при вас и при мне. Без доступа участников в хранилище и нижнюю галерею.

Я выдохнула и чуть не опустила лимон прямо на пустое дно ведёрка. Бертен подставил совок с землёй.

— Свободные занятия не разрешены, — добавил Дамиан. — Решение о закрытии пока действует. После проверки — результаты совету.

Было бы приятно услышать только первые слова. Так приятно, что я уже успела представить утро, распахнутые окна, человека, который идёт мимо и видит на двери честное расписание. Теперь придётся вписать в него ещё много «пока».

— Мы можем начать завтра? — спросила я.

— Можем.

Бертен перестал держать совок.

— Всем шестерым?

— Каждому, кто согласится, — сказала я. — Не всем обязательно брать упражнение.

Он кивнул слишком быстро. Я не стала выяснять при Дамиане, чего Бертен не хотел пробовать сам. Лимон висел между нами, нуждался в земле и совершенно не интересовался решением совета.

Мы досыпали ведёрко. Я полила, подождала, пока вода уйдёт, и только после этого позволила себе ещё раз прочесть лист. Подписала его Инесса. Возле последних строк было приписано её мелким почерком: «Людей предупреждать до начала работы».

Бертен ушёл сообщить Руте, что ответ есть. Остальным я собиралась передать короткие записки через привратника. В каждой надо было указать время и написать то, что давалось мне труднее всего: можно прийти и не работать.

Дамиан смотрел, как я собираю рассыпавшуюся землю с краёв старой карты. Он всё ещё держал разрешение за чистый угол, берёг от моей земли.

— Не жалко карту? — спросил он.

По прежней дороге текла грязная вода.

— Дороги больше нет.

— На карте она была хорошая.

Он произнёс это так серьёзно, что я подняла глаза. Дамиан следил за серой линией, обрывавшейся у края намокшей бумаги. Впервые за день у него не было готового полезного продолжения, и я не стала его искать за него.

К вечеру шесть записок лежали на столе привратника. Я забрала лист с разрешением, чтобы показать его в классе. Лимон мы с Дамианом отнесли наверх вдвоём: тяжёлое ведёрко хотелось уронить на каждой ступени.

На подоконнике оно заняло слишком много места. Пришлось переставить лампу, и в комнате сразу изменился свет. У стены, где раньше лежала тень от горшка, проступила выцветшая полоса обоев. Я смотрела на неё с нелепым изумлением: комната умела меняться и без аварии.

— Завтра нужно будет показать, что именно вы хотите проверить, — сказал Дамиан.

Мы уже спустились в класс. На партах стояли пустые миски. Тёплая стена оставалась за защитой, до неё от ученических мест было достаточно далеко; этот взгляд на расстояние я, кажется, переняла у него.

— Начнём с простого, — ответила я. — Одо сможет…

— Я говорю о себе.

Дамиан снял сюртук, повесил на спинку стула и сел за ближайшую парту. Коленям не хватило места. Он отодвинулся, попробовал ещё раз; парта была сделана для человека поменьше.

Я стояла у своего стола с листом Инессы в руке. Его лицо снизу выглядело совсем иначе. Было гораздо труднее сердиться на ректора, который примерялся к моей неудобной парте и не просил другую.

— Вы щитовик, — сказала я. — Придётся начать с вашего щита.

— Хорошо.

— Я могу не сразу объяснить так, чтобы…

Он положил руки на стол, ладонями вниз.

— Первым буду я.

Глава 5. Погнутая стойка

Ректор снял щит безупречно.

Кусочек мела упал в песок, оставив неглубокую ямку. Ни вспышки, ни звука. Дамиан опустил руки и посмотрел на меня с тем выражением, с каким взрослый человек ждёт следующей части слишком простого задания.

Я стояла по другую сторону стола. На его рукаве осталась белая полоска: когда он клал мел на маленькую прозрачную плоскость, задел краем ткани. Он пока её не заметил.

— Ещё раз, — попросила я.

— Что именно не так?

— Я хочу посмотреть конец.

Дамиан достал мел из песка, отряхнул, поставил опорные стойки ближе к себе. Щит лёг между ними тонким, почти невидимым листом. Такие плоскости использовали на занятиях, когда надо было показать сопротивление, не ударяя человека: достаточно было надавить ладонью. Сегодня щит держал только кусочек мела над миской.

Дамиан убрал его ещё раз. В самом конце воздух у правой стойки чуть стянулся внутрь, задержал мел и лишь потом отпустил. На этот раз он увидел, что я смотрю именно туда.

— Я сгладил падение, — сказал он.

— Зачем?

— Чтобы мел не раскололся.

В песке белел короткий тупой обломок. Он уже был сломан, с двух сторон, задолго до нашего утреннего занятия.

— Можно не беречь, — сказала я.

Дамиан посмотрел на него, потом на меня. Я едва не улыбнулась и успела удержаться. Ему сейчас требовалось совсем другое лицо преподавателя.

— Хорошо. Покажите, чего хотите.

Я поставила рядом свою ладонь, не касаясь щита.

— Внешняя защита у нас есть. Песок есть. Вам не придётся подхватывать то, что упадёт. Попробуйте просто отпустить.

Он повторил за мной последнее слово. Без насмешки, но достаточно отчётливо, чтобы я услышала, как мало в нём объяснения.

За окном прошли люди. Их тени скользнули по столу; я переставила миску так, чтобы мел было видно на светлом песке. В дальнем конце класса стояла защита тёплой стены. Утром мы уже проверили опоры, граница не ушла дальше прежней отметки. На столе перед нами было новое, маленькое упражнение, и я очень хотела, чтобы оно удалось прежде, чем в дверь постучат шестеро.

— Готовы? — спросил Дамиан.

Я ответила слишком быстро.

Мел приподнялся на плоскости над миской. Дамиан начал снимать щит. Плоскость прогнулась у середины; увидев, как обломок качнулся, он тут же поддержал край. Сила пошла к правой опоре, а оттуда вернулась в середину. Я почувствовала её по движению воздуха у пальцев.

— Не ловите, — сказала я.

Он отнял одну руку. Щит перекосился, и его вторая ладонь резко повернулась вслед за мелом.

Медная стойка тонко звякнула.

— Стоп, — сказал Дамиан.

Он снял защиту привычным коротким движением. Мел стукнулся о край миски, отскочил в песок. Вторая стойка осталась прямой. Первая согнулась у основания так, будто кто-то надавил на неё большим пальцем.

Несколько белых пылинок осели на его рукаве. Дамиан стряхнул их, потом понял, что я смотрю на погнутую медь, и перестал.

— Я умею снимать щиты, — сказал он.

— Я видела.

— Тогда не смотрите на меня так, словно я не умею.

Лицо у меня, оказывается, всё-таки получилось не то.

Я отодвинула стул. Ножка задела щель в полу, вышел тот самый скрип, от которого в первый вечер хотелось стиснуть зубы. Дамиан ждал, пока я перестану поправлять стул и найду ответ.

— Вы умеете, — повторила я. — Обычно этот след быстро рассеялся бы. Но когда вы возвращаете усилие в опору, оно ещё какое-то время там держится. На свежем малом щите это почти незаметно. В старых чарах может оказаться важным.

Он посмотрел на согнутую стойку.

— Эту я согнул сам.

— Да.

— Пока пытался выполнить ваше «просто отпустите».

Мне пришлось сесть. Стоя за преподавательским столом, так легко было бы сейчас рассказать ему всё, что я знала о привычке подхватывать чужое падение. Красивый рассказ ничуть не помог бы понять, что делать его рукам.

Погнутая стойка лежала между нами. На меди остался свежий светлый след, там, где ободок миски слегка процарапал её во время рывка.

— Это плохое объяснение, — сказала я. — Давайте сначала разберёмся, как вы его услышали.

Дамиан откинулся на спинку. Края воротника натянулись у шеи; ещё вчера у него она болела после ночи на гостевой подушке, и сейчас я чуть не предложила другую. Как будто правильная подушка могла спасти мой урок.

— Я слышу: перестать держать, — ответил он. — Перестаю. Вес уходит в сторону. Я его возвращаю. Это делается раньше, чем я решу, что мел можно разбить.

— Возвращаете всё?

— Нет. Только край.

Я положила ладонь на стол, повторила едва заметный поворот его запястья.

— Так?

Он покачал головой.

— Вы тянете. Я закрываю.

Я попробовала ещё раз, и снова неверно. Теперь досада появилась у меня. Она была совсем детской: руками всё чувствовалось ясно, а когда надо было показать чужое движение, собственные пальцы становились бесполезными.

Дамиан протянул руку над столом и замер.

— Можно?

Я подала свою. Он не обхватил её и не стал вести пальцы. Подставил ладонь под мою, позволил чуть надавить, затем убрал поддержку с одной стороны. Рука сама попыталась выровняться.

— Вот здесь, — сказал он.

Теперь я поняла. И заодно почувствовала тепло его кожи так отчётливо, что на миг забыла про медную стойку.

Я отняла руку не сразу. Он дал мне закончить движение и только потом положил свою на стол.

— Песок должен принять мел, — сказала я. — А вы в последний миг не даёте ему этого сделать.

— Я уже знаю, что он должен упасть.

— Головой. Может быть, начнём вообще без щита?

На этот раз Дамиан усмехнулся. Усталое, чуть неверящее выражение у рта было гораздо менее удобным для моего самолюбия, чем вчерашняя готовность слушать.

— Вы хотите научить меня ронять мел?

— Пока я не смогла объяснить ничего сложнее.

Он поднял обломок и уронил. Мел мягко лёг в песок.

— Получилось, — сказал Дамиан.

Я всё-таки рассмеялась. Слишком громко для пустого класса, но он ответил на мой смех, и напряжение между нами чуть ослабло. Погнутая стойка никуда не делась; просто теперь нам не требовалось делать вид, что её можно исправить выражением лица.

— Запомните, что сейчас не пришлось делать, — попросила я.

— Руку возвращать?

— Да. Не закрывать за мелом пустое место.

Дамиан повторил движение без дара. Я следила за его ладонью и думала, как часто вела ученическую руку вместо того, чтобы понять её усилие. На Одо это действовало: я могла вовремя остановить его. Но рядом со мной сидел человек, который умел настолько много, что моё вмешательство только путало его привычки.

Он подхватил обломок и положил мне на ладонь.

— У вас другие ученики это сразу понимают?

— Нет.

— Вы тоже говорите им «просто»?

Я посмотрела на мел. Слово вдруг стало очень большим для такого маленького предмета.

— Говорю.

Он ничего не добавил. И правильно сделал: этого мне хватило.

Я вынула из шкафа запасную учебную стойку. Погнутую мы положили у края стола, чтобы не задеть случайно. Дамиан проверил новую опору, затем сделал щит меньше. Теперь обломок лежал над самым песком, падать ему было почти некуда.

Впервые я видела, как он заранее обдумывает собственное маленькое движение. От этого сердце стучало сильнее, чем при вчерашней работе со старым огнём. Там я хотя бы понимала, какой след хочу найти. Здесь мне доверили человека, который мог встать из-за парты в любой момент.

— Не смотрите на мел, — сказала я. — Он сам упадёт. Смотрите, что делает ваша рука, когда вы это уже знаете.

Прозрачная плоскость дрогнула. Мел поплыл в сторону, Дамиан невольно двинул за ним запястьем и остановился. У края щита осталось слабое сопротивление. Я приподняла ладонь, показывая, что чувствую его, но ничего не стала подбирать за него.

Он ждал. Это было заметное усилие: не подправить край, не спросить, почему я молчу, не вернуть плоскости хорошую форму.

Обломок опустился в песок.

Я протянула руку к тому месту, где только что держался щит. Воздух больше не откликался. Подставка не нагрелась, мел лежал неподвижно.

— Сейчас, — сказала я.

Дамиан несколько мгновений смотрел на собственную ладонь. Потом выдохнул и откинулся на спинку так резко, что стул скрипнул.

— Так мало?

— Так мало.

Он закрыл глаза. Я дала ему посидеть, не сообщая сразу, сколько ещё предстоит повторять, когда понадобится другое упражнение и почему это ничего не доказывает о больших чарах. Всё это можно было сказать через минуту.

За окнами шёл обычный день. Пекарь катил через двор пустую тележку, за ним бежала чья-то собака. Остановилась возле нашего крыльца, понюхала борт колеса и разочарованно пошла дальше. Я смотрела на неё и вдруг почувствовала собственную усталость. Мы сидели здесь с утра; моя правая рука всё это время лежала на краю стола, сжатая так крепко, что ногти оставили следы на ладони.

Дамиан заметил, как я разгибаю пальцы.

— Вы тоже ждали, что не получится?

Я хотела сказать, что просто наблюдала.

— Да.

— Тогда оба устали не зря.

Он сказал это без победы в голосе. У него на щеке проступила красная полоса — след от пальцев, которыми он потёр лицо. Я раньше видела такие следы у людей, заснувших над тетрадью, и не ожидала, что захочу коснуться их.

Вместо этого убрала со стола мел и пошла ставить чайник.

Пока мы отдыхали у окна, проверенная подставка оставалась холодной. Мы записали это рядом с утренней неудачей. Дамиан отдельно пометил, где согнул стойку. Номер я продиктовала; последнее слово он зачеркнул и написал заново.

Когда я принесла чай, внизу страницы уже сидела птица.

Я поставила чашку так, чтобы не залить рисунок. У птицы было слишком маленькое крыло и длинные, совершенно не воробьиные лапы. Она смотрела на номер повреждённой стойки с выражением, которого я не смогла бы добиться, даже если бы рисовала с натуры.

— Это кто? — спросила я.

— Воробей.

— В сапогах?

Дамиан убрал карандаш, но тетрадь оставил открытой.

— Я не успел нарисовать пальцы.

— Зачем ему такое длинное бедро?

Он посмотрел внимательнее, потом начал смеяться. Тихо, искренне сердясь на рисунок. Я увидела ямку у основания его щеки, которую раньше принимала за морщину. От смеха лицо совсем изменилось, и мне стало трудно соблюдать прежнее серьёзное любопытство.

— Вы специально, — сказал он.

— Я только спрашиваю. Вдруг у него сложная судьба.

Он дорисовал птице второе крыло. Воробей стал похож на кошелёк, который бросили на двух длинных ремешках.

Я отвела глаза, чтобы опять не рассмеяться, и заметила другого, на старой странице. Потом ещё одного. Между измерениями, перечнем опор и короткими вопросами сидели маленькие нелепые птицы. В первую нашу работу я не заглядывала к нему через плечо; теперь было трудно понять, как они поместились рядом с таким внимательным, выдержанным человеком.

— Вы их давно рисуете?

— Давно.

— И всё ещё так?

Он посмотрел на меня поверх чашки. Впервые за утро это был взгляд, которым он явно хотел меня уколоть, и я нисколько не обиделась.

— Видите, я умею возвращаться к тому, что не получается.

Допив чай, он не закрыл тетрадь сразу. Я ещё какое-то время смотрела на длинноногого воробья. Он делал утреннюю ошибку почти домашней: у неё появился сосед, который тоже был далёк от совершенства и вполне с этим жил.

К проверке группы я решила переставить одну парту. Селин будет удобнее сидеть с краю, Нив сможет отодвинуться от общего стола, если захочет только смотреть. Рута просила начать вовремя: вечером у неё тесто, которое не должно было ждать, пока магистра научится правильно заканчивать фразу.

Вчерашние пустые записки я перебрала и отложила. Сегодня не хотелось встречать людей новым длинным объяснением. Достаточно было сказать, что они вправе остановиться, и действительно дать им это сделать.

Дамиан принёс свои инструменты. Погнутую стойку он зажал в маленьких деревянных тисках у окна, попробовал выправить. Медь поддалась, но прежней ровности не вернула: у основания осталась неглубокая складка.

— Для щита уже нельзя, — сказала я.

Он кивнул. Мы убрали её из рабочего набора. Стойку следовало списать, но сейчас меня беспокоило только, что она лежит у самой первой парты.

Дамиан вынул из тисков погнутую медь и положил рядом со своей открытой тетрадью.

— Я её унесу, — предложила я.

— Оставьте.

Из коридора донеслись шаги. Кто-то остановился перед дверью, пропуская другого вперёд. Потом раздался осторожный стук.

Дамиан повернул стойку так, чтобы повреждение было видно с ученических мест, и сам пошёл открывать.

Глава 6. Окно без лампы

Первой погнутую стойку заметила Лика.

Она вошла, бросила взгляд на стол и сразу сунула папку под мышку, освобождая руки.

— Это кто?

— Я, — сказал Дамиан.

Лика приостановилась. Он стоял у двери, пропуская остальных, без сюртука, с засученными рукавами. На запястье виднелась узкая полоса меловой пыли. Ещё несколько часов назад я боялась, что люди будут смотреть на него так же внимательно, как он утром смотрел на мои объяснения.

Теперь они смотрели. Ректор выдерживал это без видимого удовольствия.

— Стойку использовать нельзя, — добавил он. — Из набора убрали.

Бертен нагнулся, посмотрел на складку и выпрямился. Никакого полезного замечания он не сделал, хотя я видела, что оно у него готово.

Нив пришёл без дорожной сумки. На свободное место у двери он посмотрел с такой надеждой, что я сразу отодвинула для него стул.

— Здесь можно просто сидеть, — сказала я.

— Я сегодня посмотрю.

Он не стал объяснять, почему. Я тоже не стала.

Разрешение Инессы лежало на краю моего стола. Пока остальные рассаживались, я показала его и коротко назвала условия. Рута спросила, сколько времени займёт первое упражнение. Я ответила, что мы закончим до её вечерней работы.

— Даже если не получится? — уточнила она.

— Даже если.

Дамиан поднял голову от опор, но ничего не сказал. Нам понадобилось целое утро, чтобы я смогла произнести это вовремя.

Лика вызвалась первой. В этом не было неожиданности; неожиданным оказался Одо, который сам отодвинулся, пропуская её к столу. Раньше он старался закончить всё до того, как успеет испугаться.

На столе перед Ликой стояла маленькая миска. Она положила в неё фитиль и провела пальцем над краем. Огонь поднялся ровно, невысоко. Дамиан держал внешнюю защиту, я стояла сбоку, оставляя ей обе руки свободными.

— Не помогайте, — сказала Лика прежде, чем я что-нибудь спросила.

— Пока не собиралась.

Она покраснела, затем сосредоточилась. Я смотрела, как меняется напряжение у основания её большого пальца. Свет погас почти сразу.

— Всё.

Рядом Одо вздохнул. Она успела быстрее, чем он в первый вечер, и это было видно всем. Лика уже тянулась к своей папке.

Я накрыла папку ладонью. Не её руку.

— Что вы проверили?

Она посмотрела на миску. Дамиан оставался на месте, хотя снаружи всё выглядело законченным. У края фитиля дрогнула крошечная красная точка и исчезла.

— Я…

Лика наклонилась ближе. Я подняла ладонь, останавливая, и она отступила сама. Ещё немного постояла над миской. На её лице сменились раздражение, догадка и что-то гораздо более неприятное ей самой.

— Не знаю, — сказала она наконец.

В классе стало тихо. Слишком тихо: остальные ждали, как я оценю ответ. У Лики покраснела шея.

— Тогда пока ждём, — сказала я.

Она сжала пальцы и тут же разжала, удержавшись от попытки немедленно всё поправить. Из фитиля вытянулся слабый красный волосок. Только один, на ширину ногтя. Теперь его увидел и Одо.

Лика не подняла голову.

— Я думала, если не светится…

— Утром я тоже думал, что уже закончил, — сказал Дамиан. — Медь вон там со мной не согласилась.

Она посмотрела на погнутую стойку. Потом впервые за всё занятие спросила, что делать дальше, без торопливого продолжения, которое обычно сама себе придумывала.

Мы выбрали маленький следующий шаг. Она удержала руки снаружи и дала остаточной нити уйти к песку. На этот раз никуда не потянулась, когда свет исчез. Я видела, как ей хочется спросить «теперь всё?», и дала самой выбрать момент.

— Основание ещё тёплое, — сказала Лика.

— Да.

Она кивнула. Села с краю лавки, оставив папку на коленях раскрытой. Рядом с красивой ровной записью появилось сердитое подчёркивание.

Селин пододвинула себе миску правой рукой. Для неё сегодня хватило простого движения дара, без длительного удержания: она остановилась, когда поняла, что начинает помогать себе больной кистью. Бертен уже открыл рот, но Селин опередила его.

— Я сама вижу.

Он закрыл рот. Я вдруг узнала в нём себя сегодняшним утром — ту, которая ещё не успела ничего полезного сказать, но уже приготовилась объяснить.

Рута закончила свою попытку раньше, чем ей хотелось. Сначала возразила мне, потом посмотрела на дрожащий край собственного огонька и отступила от стола. Она устала ещё в пекарне. Раньше я предложила бы ей посидеть и попробовать снова; сегодня спросила, во сколько ей возвращаться.

Одо долго смотрел на свободное место. Когда подошёл, принёс мою миску с коричневой розой.

— Эту можно?

Я подвинула для неё приёмник. Дамиан переставил внешнюю опору, оставляя ему больше пространства со стороны сильной руки.

— Хотите повторить тот же огонь? — спросила я.

Одо покачал головой. Он провёл пальцем над фитилём, удержал маленький свет и остановился прежде, чем пламя успело вырасти.

— На сегодня хватит, — сказал он.

Я почувствовала, что он уже поднимает силу обратно, собираясь довести упражнение до конца хотя бы ради моего лица. Отступила на полшага. Он увидел движение и оставил руки в покое.

Внешний щит не мешал ему ждать. Слабый огонёк погас; мы наблюдали за миской, пока не стало можно отойти. Ни Лика, ни Бертен не торопили. Нив у двери сидел, упершись локтями в колени, и смотрел на Одо с вниманием, которого за всё время наших прежних уроков я у него не видела.

Он сегодня так и не взялся за упражнение. На прощание спросил, можно ли снова прийти посмотреть. Я ответила, что можно, когда назначим следующую проверку.

Люди расходились медленно. Рута ушла первой; ей нужно было к тесту, и я была рада, что нашла в себе силы отпустить её без последнего важного объяснения. Бертен задержался у погнутой стойки.

— У меня на полигоне таких две, — сказал он ректору.

— Приносите. Посмотрим, удастся ли починить.

— Я о другом.

Дамиан поднял на него глаза. Бертен потёр ладонью заплатку на колене, словно только что её заметил.

— Я их прятал перед учениками.

Он не стал развивать мысль. Я тоже ничего не добавила. За дверью его окликнула Селин, он пошёл за ней, и класс наконец опустел.

Мы убрали миски и вытерли со стола песок. Дамиан пошёл проверять опоры у стены, а я задержалась возле последней парты, поправляя сдвинутую скамью.

Над доской, у самого потолка, дрогнула прозрачная полоса воздуха.

— Дамиан.

Он остановился, проследил за моим взглядом. Сразу поднял руку, показывая, чтобы я не подходила ближе.

Я и не собиралась. Вспомнила щелчок медного светильника в первый вечер и ощутила, как по спине под платьем сползает капля пота.

У нижней опоры всё было по-прежнему: щит стоял ровно, пол нагревался в прежних пределах. Наверху, над его краем, воздух искажал нарисованную на доске прямую линию. Я взяла длинную указку, поднесла к тёплой полосе, затем опустила. Дерево быстро подсохло у конца, где его только что протёрли влажным лоскутом.

Дамиан проверил вторую опору. Вернулся ко мне и посмотрел вверх.

— До перекрытия дошло.

По потолку тянулась старая трещина. Я помнила её ещё до аварии: после весенней протечки Тимон замазал, осенью пришлось мазать снова. В моих записях она не значилась. Нагрев туда раньше не добирался.

— Это после нашего упражнения? — спросил Дамиан.

— Не знаю.

Сказать «не знаю» было труднее, чем научить этому Лику. В классе только что сидели люди, которым я предложила вернуться. Я заставила себя вспомнить, что утром проверила всю видимую границу. Не нашла новой полосы. Теперь нашла.

Дамиан ещё раз посмотрел на опоры, не пытаясь придавить верхний край к потолку.

— Сначала проверим наверху. Внизу ничего не вскрываем.

На лестнице было прохладно. От этого я сразу ухватилась за надежду, что тёплым оказался только старый воздух под потолком класса. Рука на перилах не чувствовала ничего необычного, дверь в мои комнаты выглядела как всегда.

За ней пахло влажной землёй из нового ведёрка. Я шагнула к лимону, провела пальцами по нижнему листу, потом заставила себя вернуться к стене. Дамиан шёл рядом, не касаясь меня.

У дальней перегородки, ближе к стороне класса, половица была тёплой. Вторая рядом ещё холодной. Я присела и положила ладонь на обе. Это простое различие оказалось страшнее светящейся стены: здесь лежал мой чулок, который я утром уронила возле стула и не подняла.

Дамиан остался на пороге. С его места было видно, как я сижу на полу.

— Инесса говорила о временном переезде, — сказала я.

— Да.

У меня в комнате не было ни одного предмета, который сейчас нуждался бы в магистре. Лимон мог пережить ночь в другом месте. Книгу можно было взять под мышку. Больше всего хотелось положить ладонь на холодную половицу и считать её ответом за всю комнату.

Я подняла чулок.

— Гостевое крыло свободно?

Дамиан чуть заметно выдохнул.

— Комната найдётся.

— Хорошо. Унесу нужное.

Он не стал благодарить за разумность. Я была ему за это признательна: ещё одно полезное доброе слово, и мне захотелось бы начать спор, хотя никакой причины оставаться я уже не могла назвать.

Внизу стукнула наружная дверь. Пришёл Тимон с ключом от дровяного сарая, хотел спросить, сколько оставлять на ночь. Дамиан спустился к лестничному повороту, объяснил ему про тепло и попросил передать Инессе: сегодня в старом корпусе никто не остаётся, нужен дежурный у входа.

— Весь? — переспросил смотритель.

— Для людей — весь. К хранилищу без нас не подходить.

Тимон поднял глаза к моей площадке. У него было такое лицо, будто я уже переехала и заперла за собой дверь.

Я отвернулась к шкафу.

Собирать на ночь оказалось дольше, чем собирать на день. На столе лежал журнал — его я взяла сразу. Рядом с кроватью книга, расчёска, платье на завтра. Всё умещалось в небольшую тканевую сумку, пока я не вспомнила, что может понадобиться ещё что-нибудь. Чистая рубашка. Вторая пара чулок. Полотенце, которое не оставляет ворса на лице.

Я остановилась перед полкой. Там лежали обычные письма и записка Вераны о чашках, которую утром убрала из журнала, чтобы не затерялась между листами. Взяла записку и вложила обратно. За стеной оставалось хранилище с её настоящими рабочими тетрадями. На них у моей ночной сумки не было никаких прав.

Дамиан вернулся, когда я пыталась закрыть завязку. Книга в мягкой обложке вылезала сбоку, и каждый раз при затягивании её угол загибался.

— Дайте подержу, — сказал он.

Я отдала книгу. Она раскрылась у него в руках на картинке с капитаном.

— Из-за такой опасной литературы поздно ложатся?

— До неё сначала надо добраться.

Он посмотрел на картинку, на женщину с кинжалом, и аккуратно закрыл.

— Повезло капитану.

Я могла рассказать ему про подсвечник, но вместо этого вдруг заплакала. Слёзы выступили тихо, без удобного предупреждения; я успела отвернуться, увидела ровную светлую полосу обоев за переставленным лимоном и уже не смогла остановить первую.

Дамиан положил книгу на сумку.

— Мне выйти?

Я покачала головой. Слова требовали слишком много воздуха.

Он остался у двери. Я вытерла лицо ладонями, потом вспомнила, что утром работала с мелом и медью, и взяла чистое полотенце. Разумнее было бы сразу им. В таком состоянии даже нос приходилось вытирать со второй попытки.

— Сегодня они впервые пришли по-настоящему, — сказала я.

Он понял, о ком речь.

— Да.

— А я ухожу.

Я ждала, что он объяснит разницу, скажет про временную комнату, про то, что никто не отнимает кафедру именно сегодня. Дамиан посмотрел на ведёрко с лимоном и ответил:

— Давайте сначала перенесём это.

Было почти не за что держаться, кроме тяжёлого борта. Я взялась за свою сторону. Мы вынесли растение на площадку, поставили, спустили по нескольким ступеням. На середине лестницы мне пришлось остановиться; земля качнулась, вода выступила у края.

Ректор ждал, пока я перехвачу ведёрко. Я смотрела на его пальцы, побелевшие под тяжестью, и постепенно снова начала дышать ровно.

Тимон вернулся с дежурным. Забрал мою сумку и обещал поставить у гостевой лестницы. Перед тем как уйти, он посмотрел на тёплую стену из коридора, даже не пытаясь заглянуть за защиту. К печи с дровами сегодня никто больше не подходил.

Я погасила лампу на преподавательском столе, и шесть пустых парт ушли в темноту. Наверху Дамиан подождал рядом, пока я прикрутила фитиль второй лампы, у кровати. Не хотелось убирать пальцы с рычажка. В потемневшем стекле закрытого окна ещё отражались наши лица.

К выходу мы шли по пустому коридору; кроме наших шагов, ничего не было слышно. Я задержалась у запертой двери хранилища, но прошла мимо, не касаясь старых щитов. За защитой класса тихо светился медный светильник. Его огонь не удавалось погасить поворотом фитиля, и этот свет оставался, когда мы уходили.

У наружной двери дежурный принял у Дамиана распоряжение не впускать никого до проверки. Инесса должна была подойти из главного корпуса; Тимон уже передал ей слова. Я увидела её через двор, рядом с переходом, и впервые за весь вечер перестала считать, сколько минут нас не будет возле стены.

Мы отнесли лимон в гостевое крыло. Здесь пол пах мастикой, шторы были слишком короткими, а у кровати стояла высокая ваза с сухими ветками. Веток хватило бы на ещё одного постояльца.

Мою сумку поставили за первой дверью справа. Дамиан проверил, открывается ли окно, и перенёс ведёрко к свету. Свои вещи он собирался оставить в прежней гостевой комнате дальше по коридору.

— Если в подушке что-нибудь шевельнётся, — сказала я, — я к вам приду.

Он посмотрел на меня с такой серьёзностью, что я наконец смогла улыбнуться.

— Сначала попробуйте постучать. Ей, возможно, хватит.

У порога он задержался, хотел что-то сказать и не сказал. Я стояла рядом с сумкой, всё ещё не сняв шаль. В этой чужой комнате было слишком тихо. Я почти попросила его посидеть ещё немного.

— Я буду у Инессы, — сказал он. — Потом проверим снаружи. Одни вы туда не возвращайтесь.

— Я не собиралась.

Дамиан посмотрел мне в лицо и поверил. Это было видно по тому, как спокойно он отпустил дверную ручку.

Я подошла к окну. Из нового места старый корпус казался маленьким. Там наверху остались чулок, который я всё-таки забыла переложить в сумку, полотенце у шкафа и стул, не задвинутый после сборов. Я знала точное место каждой вещи и ничего не могла с этим сделать.

В моём прежнем окне вспыхнула тонкая янтарная полоска.

Сначала я решила, что это отражение фонаря. Потом полоска протянулась вдоль нижнего края стекла, и комнату изнутри осветило на один короткий вдох. Дамиан ещё не успел дойти до поворота коридора.

— Посмотрите, — позвала я.

Он вернулся, встал рядом. Свет под старым окном уже сжимался, уходил в шов кладки. Пламени за стеклом я не видела. Только мою прежнюю комнату, опустевшую меньше часа назад, и тихий чужой огонь у её пола.

Дамиан повернулся к двери.

Обе лампы мы погасили сами.

Глава 7. Снаружи

До двери Дамиан дошёл раньше меня. Я догнала его на лестнице, на ходу застёгивая шаль. Он посмотрел на мои туфли и ничего не сказал. Шнурок на правой развязался; пришлось остановиться, поставить ногу на ступеньку и завязать. От этой крошечной задержки хотелось плакать сильнее, чем от всех прежних.

— Подожду внизу, — сказал он.

— Не надо ждать. Я сейчас.

— Тогда вместе.

В дверях пахнуло холодом. Двор после тёплого коридора показался огромным, а тёмные липы закрывали верхний этаж старого корпуса. Чтобы снова увидеть своё окно, пришлось отойти от перехода. Света уже не было.

Инесса стояла возле наружной стены, придерживая фонарь на уровне плеча. Рядом дежурный смотрел на запертую дверь так сосредоточенно, будто она могла поддаться от одного его внимания.

— Наверху, — сказал Дамиан. — У самого пола. Видели оба.

Я показала окно. Инесса опустила фонарь, чтобы обычный свет не мешал. В темноте сразу проступил нижний край каменного карниза. На нём держалась едва заметная янтарная полоска.

Она была снаружи.

Я подошла ближе и остановилась там, где начиналась старая отмостка. С крыши ещё капало; вода попадала в железную решётку стока с отчётливым звоном. Днём такой звук казался обычным. Сейчас я всякий раз вздрагивала.

— В комнату не идём, — сказала Инесса.

— Я понимаю.

— Говорю всем троим.

Дамиан посмотрел на неё и согласился. Ни один из них не потянулся к входу. От этого стало легче дышать, хотя я по-прежнему стояла во дворе собственного дома, не имея права подняться за забытым полотенцем.

Тимон принёс длинный шест с крючком для верхних ставен. Я узнала его раньше, чем смотритель успел объяснить: каждую весну этим шестом снимали с карниза гнёзда, если птицы забивали водосток. Инесса приняла шест и осторожно подвела крючок к маленькой наружной дверце под окном.

— Не стену, — сказала я слишком резко.

Она остановилась.

— Люк осмотра. Только наружная створка. Я знаю, что за кладкой защита.

Дамиан подошёл ближе к ней, проверил край люка щитом и попросил меня показать, где проходил прежний шов. Я знала это место с той стороны, из своей комнаты: вдоль стены стояла кровать, чуть дальше начиналась перегородка. Здесь, снаружи, камень выглядел незнакомым. Пришлось сначала найти окно лестницы, отсчитать простенок и только потом поднять руку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.